

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-116.3

РОЛЕВАЯ ГРАММАТИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

О.Б.Абакумова

Орловский государственный университет, abakumova-ob@mail.ru

Статья посвящена возможностям описания фрагментов языковой картины мира в ее пословичном варианте посредством расширенного понятийного аппарата референциально-ролевой грамматики. Реконструкция и сопоставление фрагментов языковой картины мира осуществляется на материале пословичных концептов ПРАВДА и TRUTH, которые представляют собой разные концепты, а не один универсальный в разных языковых оболочках.

Ключевые слова: языковая картина мира, пословица, референциально-ролевая грамматика, пословичный концепт

The article covers the problems of reconstructing linguistic world-image from proverbial point of view by means of role-and-reference grammar. The reconstruction and comparison of linguistic world-images is based on the data of Russian and English proverbial concepts ПРАВДА and TRUTH. The analysis shows that these are different concepts, but not universal existing in different language forms.

Keywords: linguistic world-image, proverb, role-and-reference grammar, proverbial concept

Интерес к описанию языковой картины мира (ЯКМ), другое название «наивная» картина мира, появился в лингвистике еще в XIX в. и с тех пор был представлен в разных лингвистических концепциях и направлениях. Среди первых нужно назвать работы В.Гумбольдта, А.А.Потебни, Э.Сепира и В.Уорфа, Л.Вайсгербера и Л.В.Щербы (противопоставление «обывательских» и научных понятий). В этот список включают этнолингвистическую школу Н.И.Толстого и С.М.Толстой. Исследованию языкового видения мира посвящены работы А.Вежицкой. «Наивную картину мира» изучают и реконструируют Ю.Д.Апресян и его школа, а также многие другие отечественные лингвисты.

Среди исследователей идут споры о том, что должно быть материалом для реконструкции ЯКМ и каковы единицы, элементы этой системы. Трудно не согласиться с Ю.Д.Апресяном, который полагает, что материалом для анализа должны быть только факты языка, под которыми понимаются лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодии, синтаксические конструкции, фраземы, правила лексико-семантической сочетаемости и т.п. [1]. Языковая картина мира в данной статье понимается как совокупность языковых концептов и стереотипов (предметов и ситуаций), связанных внутренней формой языка, его специфической «логикой» и отражающих видение мира носителями языка в период становления его языковых форм.

Мы полагаем, что для реконструкции «наивной картины мира» особенно актуален аппарат падежной грамматики (ПГ), поскольку психолингвисты, изучающие детскую речь в онтогенезе, склоняются к тому, что грамматика детской речи в значительно большей мере, чем думали раньше, определяется «логикой вещей» и «логикой действий». Дж.Брунер писал, что структура человеческого действия в раннем

возрасте соответствует структуре универсальных падежных категорий [2]. Неудивительно, что ПГ оказалась наиболее влиятельной концепцией и в когнитивной психологии, где специальные эксперименты проводились с целью показать соотносимую значимость глаголов и связанных с ними падежей для понимания высказывания и текста.

В целом глубокая аналогия между лингвистическим конструктом семантического падежа и участием ситуации дает возможность связать модель ситуации с моделью предложения [3]. Пословица определяется многими исследователями как фразеологизм со структурой предложения [4] или как лексический знак с синтаксической структурой [5], что позволяет заниматься исследованием синтаксиса пословиц. Обозначая конкретную ситуацию, пословица определяет участников этого события и отношения между ними, т.е. моделирует ситуацию и является знаком по отношению к ней. Имевшая когда-то место типовая ситуация действительности переосмысливается, типизируется и, став фундаментом внутренней формы, несет в себе определенную ценностную ориентацию.

В настоящее время ПГ представляет собой совокупность концепций, развивающих идею ролевой семантики аргументов, которая основана на «ролях», исполняемых референтами имен в прототипической ситуации. ПГ часто называют «ролевой», так как понятие падежа определяют через представление о той синтактико-семантической роли, которую выполняет аргумент по отношению к «своему» глаголу: агенса или пациенса, объекта или инструмента [6]. Постепенно понятие падежа-роли проникает во многие функциональные грамматики. Примером может служить референциально-ролевая грамматика Р.Ван Валина и У.Фоли

В данной статье речь идет о фрагментах пословичной картины мира, которая представляет собой

часть языковой, и пословичном концепте, который мы определяем как совокупность всех семантических ролей, выполняемых именем концепта в семантической структуре пословичных предложений-высказываний. Для анализа семантики пословиц, которые вслед за Г.Л.Пермяковым [7] понимаем как языковые знаки с текстовыми функциями, мы используем метод семантических ролей [8]. Поскольку семантические падежи выражают, с одной стороны, логику мира, а с другой, — «логику» языка, наличие падежных лакун в одном из сопоставляемых языков, а также их качественные и количественные различия показывают национальную специфику данного языка. В данной работе мы используем возможности этого метода для описания пословичного концепта абстрактного имени и расширяем систему падежей, вводя падеж «квалитатив», дающий характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта.

Абстрактное имя как объект концептуального анализа имеет свою специфику, которая убедительно описана Л.О.Чернейко. Она считает, что абстрактное имя (АИ) мифологично, поскольку не имеет опоры в эмпирической действительности, а его наглядность проявляется в синтагматике АИ, выражающей вещные коннотации стоящей за ним сущности. Концептуальный анализ позволит выявить из фразеологической парадигмы гештальт АИ [9].

Референциально-ролевая грамматика (РРГ) [10] возникла из двух основных систем в грамматике на уровне элементарного предложения (клаузы). Одна система связана с семантической (падежной) ролевой структурой простого предложения, а другая — с референциальными или прагматическими свойствами именных групп в простом предложении. Семантическая ролевая структура отражает ситуацию, квалифицируя ее как действие, событие или состояние, ее участников и те роли, которые они выполняют в этих ситуациях. Самой основной частью этой системы является предикат — основное лингвистическое средство описания ситуации. Предикаты в РРГ классифицируются по двум основаниям: 1) является ли ситуация статической или динамической; 2) контролирует ли ее какой-нибудь участник или нет. Участники ситуаций выражаются в языке разными типами именных групп. Особенности участника определяют возможность роли, которую он может играть в ситуации. Соответственно семантическое отношение именной группы и предиката ограничено ее внутренним лексическим содержанием.

Лингвистическим средством выражения ролей являются падежные роли, или тематические отношения. В РРГ различаются две разные системы падежных ролей: базисная и производная. Базисная состоит из единственного бинарного противопоставления участников, один из которых представляет, обуславливает, вызывает или контролирует ситуацию (актор), а другой не представляет, не обуславливает, не контролирует ситуацию, а скорее испытывает ее воздействие (претерпевающий). Главное отличие РРГ от других теорий, использующих те же понятия, в том, что в референциально-ролевой грамматике падежные роли понимаются не как исходные понятия, а как

производные отношения, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как семантика предиката, лексическое содержание именных аргументов, выбор перспективы (актор или претерпевающий), морфолого-синтаксические характеристики периферийных элементов.

РРГ не ориентирована на описание переносных значений, а среди пословиц большинство составляют единицы с образно мотивированным значением, поэтому мы дополнили аппарат РРГ фреймовым анализом (ср. способ фразеологической аппликации в работах В.П.Жукова и его развитие в работах А.В.Жукова [11]). Экспрессивность общего значения пословицы и ее правильное понимание вне контекста достигается за счет наложения двух видов фреймов: образного (отражающего внутреннюю форму и задающего класс типовых ситуаций) и обобщенного (указывающего на общее значение паремии).

В зависимости от семантической роли, которая является результатом взаимодействия семантики предиката и второго актанта, характеризующих абстрактное имя ПРАВДА/TRUTH в семантической структуре пословицы, исследуемые единицы (87 английских и более 500 русских пословиц) были распределены по падежным категориям, описывающим тематические ситуации (фреймы в понимании В.Минского). Многие пословицы допускают более чем одно толкование значения и представляют таким образом динамические фреймы, или сценарии, которые имплицитно или эксплицитно содержат нормы социального поведения. Были выделены как общие, так и национально специфичные падежные категории.

Анализ макророль в пословичных предложениях — высказываниях показал, что английская именная группа с компонентом *truth* в большинстве случаев занимает позицию актора, т. е. представляет собой участника, представляющего, вызывающего и контролирующего ситуацию. *Правда* репрезентируется в английских пословицах как могущественное, самодостаточное явление, нежелательное, опасное, но высоко оцениваемое. Пословичная картина мира отражает различия в языковом видении объекта: русская *правда* изменчива, ситуативна, не стремится к единственности, она сокровенна в русской культуре и требует поиска и словесного выражения, основанного на искренности (*Нечего греха таить, нужно правду говорить. Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь.*). Английская *truth* очевидна, самодостаточна, не нуждается в словах (*Truth needs no colours. In many words truth goes by*). Речь идет о разных национальных концептах, а не об одном универсальном в разных языковых оболочках.

Различаются концепты и модальным аспектом: в английском преобладает эпистемическая модальность, в русском — деонтическая, представленная этическими прескриптивами, которые берут верх над модальностью необходимого существования.

В ядре английского пословичного концепта лежит признак соответствия реальным фактам и событиям, их адекватное объективное отражение. В качестве источников правды английское языковое

сознание указывает ее земное происхождение. Сюда включается доступность через опыт (*The tongue of experience utters the most truth*), через общественное мнение (*What everybody says must be true*), через беседу с глазу на глаз (*Face to face, the truth comes out*), через добродетели (*A good heart cannot lie*), через шутку (*Many a true word is spoken in jest*), через доверие (*In trust is truth*), через речь глупцов, детей или подвыпивших людей (*Children and fools cannot lie. There is truth in wine*), утверждается, что правду узнать нелегко (*Truth lies at the bottom of a well*), что она проявляется с течением времени (*Truth is time's daughter*).

В английской категории аксиологических признаков «квалитатив ценности» высоко оценивается связь с Богом (*Truth is God's daughter*), наличие надежного основания (*Truth always has a sure bottom*), принадлежность высшему классу общества (*Truth becomes the gentleman*), вечность, неизменность (*Truth never grows old*), ясность, доступность всем и справедливое распределение (*Fair fall truth and daylight*). Сюда же можно отнести и «квалитатив силы, могущества» (*Truth is mighty and will prevail. Truth will conquer, falsehood will kill, Facts are stubborn things* и др.).

В пословицах абстрактное явление персонафицируется, ему приписываются качества прямолинейности, открытости, храбрости, которые объединяют пословицы категории «квалитатив открытости, очевидности существования» (*Truth seeks no corners, Truth needs/fears no colours, The language of truth is simple. Truth fears no trial etc.*). Одной из многочисленных категорий является «квалитатив опасности» (*Truth breeds hatred*), который можно объединить с «квалитативом нежелательности» (*Truth is a spectre that scares many*).

Постепенно в сознании воспринимающего складывается мифологема — аллегорический образ воина. Это подтверждается деонтическими нормами, выявляемыми в семантике пословиц (см. [12]), а также синтагматикой имени, ее сочетаемостью с прилагательными (*mighty, stubborn, great*), глаголами (*will prevail, will conquer, overtakes, hurts, fears no colours/no trial, has a scratched face, finds foes, will dash out thy teeth, scares many*). У английской «правды» человеческое лицо (*Truth has a scratched face*), она принадлежит высшему обществу (*Truth becomes the gentleman*), ее язык прост, даже груб (*The language of truth is simple*), она теряется в диспутах (*In too much dispute, truth is lost*), но ей нельзя наступать на пятки, может выбить зубы (*Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth*). Об агрессивности как базовой черте английского национального характера и монологичности индивидуалистической этики протестантизма см. [13].

В русских пословицах выявляются две мифологемы. С одной стороны, — всемогущая Правда-истина с модусом веры, с другой, — Правда-матка, погруженная в повседневную жизнь с ее бытовыми проблемами с эпистемическим, а чаще деонтическим модусом. Русская правда стремится к множественности и вечности, а в результате исчезает совсем, мно-

гие сомневаются в ее реальном существовании. В ядре русского пословичного концепта лежит признак необходимости общественного порядка, основанного на справедливости, честности. Для русских правда существует как идеал, о котором можно мечтать, к которому нужно стремиться, но который недостижим на грешной земле.

Анализ макроролей, выполняемых именной группой с компонентом ПРАВДА показал, что большинство пословиц содержит в своей семантической структуре правду в макророли претерпевающего, т. е. участника ситуации, который находится под воздействием различных факторов, испытывает влияние со стороны, не контролирует ситуацию.

Наличие указанных мифологем в русской пословичной картине мира подтверждается пословицами, входящими в категорию «локатив (источники правды)», большую часть которых в русском языке представляет «квалитатив принадлежности высшим силам» (*Правда живет у Бога, а кривда на земле. Правда свята, на небо взята. Правда гневна, да Богу любя*). Другие источники правды в русской культуре включают: самоусовершенствование (*Не ищи правды в селе, ищи в себе*), ссору и наказание (*Мошенники повздорили — и правда наружу. Кнут не дьявол, но правду сыщет*), беседу на равных (*В ногах правды нет*), ощущение счастья (*Где правда, там и счастье*), доброго отношения (*В ком добра нет, в том и правды мало*), в дружеской беседе за рюмкой вина (*Правда на дне рюмки*). Высказанное положение о том, что правда для русских реально не существует, подтверждается падежной категорией «отрицательный локатив» (*Нет правды на земле*), который дополняется категориями «квалитатив принадлежности прошлому» (*Была правда у Петра и Павла*) и «квалитатив принадлежности будущему» (*Будет и наша правда, да нас тогда не будет*). В этих пословицах предикат стоит не в форме настоящего несовершенного, т. е. это уже не гномический предикат, который передает постоянное свойство объекта. Обращение за правдой к Богу только подтверждает ее отсутствие на земле.

Самая многочисленная категория в русском языке связана с фреймом «прескриптив нравственного поведения» (*Правду молвишь, правду и чини. Стой за правду горой. Не рой другому яму, сам в нее попадешь. На Бога надейся, а сам не плошай*). Это пословицы с императивной моделью, которые характеризуются незанятыми актантными позициями. Представляется, что христианская этика все же уступает в русских пословицах нормам реализма: русский крестьянин не верит, что на земле есть правда, справедливость, и привык рассчитывать только на себя. Эта категория демонстрирует диалогизм русского паремического микродискурса и русской культуры в целом, который обусловлен соборностью, жизнью в общине. Анализ русских пословиц выявляет этос крестьянина (см. [12]). Направленность сознания русских на поиски справедливости нашла свое отражение в категории «квалитатив справедливости» (*За ушко да на солнышко. Каждому — по заслугам*) и «квалитатив отсутствия справедливости» (*Малый вор бежит, большой лежит. Правда Божья, а суд царев. И прав-*

да тонет, когда золото всплывает. С больной головы да на здоровую).

В русской пословичной картине мира реконструируется нормативная языковая личность человека эмоционального, который остро воспринимает всякую несправедливость, но высоко адаптивного к внешним обстоятельствам, привыкшего полагаться на себя, не рассчитывая на помощь властей.

Две русские мифологемы проявляются в сочетаемости с прилагательными (*горькая, гневная, грубая, цыганская, подлинная, подноготная, голая, маленькая, мирская, трудовая ПРАВДА-МАТКА, православная, чистая, подлинная, великая, святая, ярче солнца ПРАВДА-ИСТИНА*), а также с глаголами (*пахнет ладаном, в воде не тонет, в огне не горит, в счете не теряется, глаза колет, уши дерет, может все, не боится света/суда, крепко стоит, где-нибудь да сыщется, во все глаза не взглянешь, светла живет, сама себя чистит/честит; истомилась, лжи поклонилась, в пазуху не влезет, в карман не взойдет, везде наверх всплывает, дружество портит, розатиной торчит, прежде нас померла, в лес ушла да закурчавела* и др.). Правда в русских пословицах персонифицируется и реифицируется.

Пословичные концепты ПРАВДА и TRUTH выявили разные ядерные признаки: английский концепт показывает направленность сознания на реально существующий факт действительности, русский — на отсутствие справедливости в обществе и отношениях между людьми. Аксиология концепта связана с отношением к власти: английский концепт передает в целом положительное или нейтральное отношение, русский пословичный концепт отражает противоречивое, сложное, скорее отрицательное отношение. Для русских правда это то, что соответствует действительности, но чаще порядок, основанный на справедливости, честности, к которому нужно стремиться, но он реально не существует. Для англичан это закон жизни, а также факты, существование которых подтверждается опытом и знаниями, то, что существует на самом деле, независимо от желания человека и не нуждается в защите.

1. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006. 912 с.
2. Брунер Дж.С. Онтогенез речевых актов // Психоллингвистика. М., 1984. С.28.
3. Богданов В.В. О перспективе изучения семантики предложения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1972. С.22-28.

4. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. 656 с.
5. Cram D. The Linguistic Status of the Proverb // Wise Words. Essays on the Proverb / Ed.by W.Mieder. N.Y., 1994. P.73-97.
6. Панкрац Ю.Г. Падежная грамматика // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С.112.
7. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С.247-273.
8. Абакумова О.Б. Языковая картина мира и падежная грамматика // Язык и общество. Современные исследования социальной коммуникации и лингвистические тенденции. Тула, 2004. С.7-13.
9. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997. С.316-320.
10. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.11. М., 1982. С.376-411.
11. Жуков А.В. Очерки по фразеологической семантике. В. Новгород, 2008. 160 с.
12. Абакумова О.Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник Орловского гос. ун-та. 2010. Вып.3. С.130-136.
13. Gorer Exploring English Character. N.Y.: Criterion Books, 1955. 328 p.; Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. 922 p.

Bibliography (Transliterated)

1. Apresjan V.Ju., Apresjan Ju.D. i dr. Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija. M.: Jazyki slavjanskij kul'tury, 2006. 912 s.
2. Bruner Dzh.S. Ontogenez rechevykh aktov // Psicholingvika. M., 1984. S.28.
3. Bogdanov V.V. O perspektive izuchenija semantiki predlozhenija // Sintaksicheskaja semantika i pragmatika. Kalinin, 1972. S.22-28.
4. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Aspekty teorii frazeologii. M., 2008. 656 s.
5. Cram D. The Linguistic Status of the Proverb // Wise Words. Essays on the Proverb / Ed.by W.Mieder. N.Y., 1994. P.73-97.
6. Pankrac Ju.G. Padezhnaja grammatika // Kratkij slovar' kog-nitivnykh terminov. M., 1996. S.112.
7. Permjakov G.L. K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda // Tipologicheskie issledovanija po fol'kloru. M., 1975. S.247-273.
8. Abakumova O.B. Jazykovaja kartina mira i padezhnaja grammatika // Jazyk i obshhestvo. Sovremennye issledovanija social'noj kommunikacii i lingvisticheskie tendencii. Tula, 2004. S.7-13.
9. Cherejko L.O. Lingvo-filosofskij analiz abstraktnogo imeni. M.: MGU, 1997. S.316-320.
10. Van Valin R., Folli U. Referencial'no-rol'evaja grammatika // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp.11. M., 1982. S.376-411.
11. Zhukov A.V. Ocherki po frazeologicheskij semantike. V. Novgorod, 2008. 160 s.
12. Abakumova O.B. Poslovichnyj koncept, deonticheskie normy i jazykovaja lichnost' // Vestnik Orlovskogo gos. un-ta. 2010. Vyp.3. S.130-136.
13. Gorer Exploring English Character. N.Y.: Criterion Books, 1955. 328 r.; Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. 922 p.